

«Дипломат из страшной сказки»

Александр Берков

День рождения близнецов – Николай и Всеволода Софинских отмечали широко: дети, внуки, невестки, золовки; их наследники – словом, целый клан. Мне посчастливилось долго, почти на протяжении всей послевоенной жизни дружить с братьями. Дольше с Всеволодом – он и прожил больше и по роду занятий был ближе (юрист, тогда как Николай был историком), но оба должны занять место в благодарной памяти потомков. Сын Всеволода написал книгу «Папа глазами сына», но до издания она не дошла. А сейчас и вовсе откладывается: автор назначен послом в Перу. Так что не рассчитывая на нее, стоит поделиться тем, что осталось в душе.

Николай был заместителем министра высшего и среднего специального образования. Окончил артиллерийское училище и воевал «по профессии». А в мирное время основное внимание уделял развитию сотрудничества с зарубежными странами в области образования.

В двухтомнике «Современная политическая история» отмечается, что при нем стал более интенсивным обмен преподавателями, аспирантами и студентами. По его инициативе в 1972 г. был образован Институт русского языка им. Пушкина, в котором проходили учебу и усовершенствование иностранные преподаватели русского языка, был основан журнал «Русский язык за границей». Тесно общаясь с ним последние его годы, убежден, что при правильном лечении он не ушел бы в лучший мир в 1986 г.

Всеволод окончил то же артиллерийское училище, и вместе с братом они составляли «экипаж машины боевой». Били фашистов на Курской дуге и других стратегических направлениях, что отражалось в названиях соединений. Пишу с известной долей зависти, так как моя дивизия стала 23 гвардейской Дновской по имени освобожденного ею города Дно в Ленинградской области. Хуже можно вообразить разве что «крыжопольская» или «кемьская».

А после войны мы оба входили в состав правления Российской ассоциа-

---

БЕРКОВ Александр Александрович – кандидат юридических наук, член правления Российской ассоциации содействия ООН.

Ключевые слова: Всеволод Софинский, встреча по правам человека (Оттава).

ции содействия ООН, работали в Международном отделе ЦК КПСС. Позднее, как писал главный редактор журнала «Международная жизнь» Борис Пядышев, «он блестяще вел отдел печати МИД СССР, где я работал его заместителем».

В.Софинский был послом в ряде стран, возглавлял делегации на международных встречах и конференциях по правам человека, по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Опубликовал немало материалов по вопросам международных отношений, внешней политики, страноведения. Перевел несколько книг английских ученых. Помнится, Всеволод особенно охотно выступал в «Московском журнале международного права», случилось – вместе с В.Д.Зорькиным. Убежденно и увлеченно разрабатывал «международное право прав человека», детально описанное в трудах В.А.Карташкина, который подробно рассматривает различные точки зрения относительно существования двух отраслей права: международного гуманитарного права (МГП) и международного права прав человека (МППЧ).

Мне доводилось встречать Всеволода как бы в двух различных ипостасях. Причем в определенных ситуациях напористость, известный максимализм, готовность идти до конца были на пользу делу и ему самому. В других мешали. На Оттавской встрече по правам человека в рамках Хельсинкского процесса по инициативе американцев состоялась встреча наших делегаций. Американцы пришли с женами и каждый говорил несколько минут. У нас же Всеволод никому не дал открыть рот: говорил один за всех в качестве главы делегации. Правда, всегда по делу.

Не может кануть в Лету такое знаковое событие, показывающее наше и наших партнеров отношение к пробле-

ме. Это отразилось и в позициях, и в самом составе делегаций. «Я и моя делегация», – говорил представитель Монако, указывая на дочь (больше в делегации не было никого). А глава большой канадской делегации – «хозяева» встречи – всячески добивался общения и публичности: во время войны он попал в плен и был освобожден нашими солдатами. Но у нас была строгая директива, исключая такую возможность. Этот факт говорит о нашем отношении к правам человека в то время: мы признавали только массовые, а не индивидуальные нарушения, к тому же только социально-экономические.

Осталась за кадром и уникальная процедура встречи, например, остановка часов. Это оказалось не журналистской фантазией, а реальностью: человек в рабочей робе поднимался на стремянку и зажимал стрелки. Тем самым продлевалось председательство прежней делегации, что давало определенные привилегии.

Всеволод на встрече был великолепен: находчив и саркастичен – особенно в полемике со своим визави главой делегации США Шифтером. Он стремился все брать на себя: не только выступления, но и все приглашения, что требовало не только интеллектуального, но и физического напряжения. Оттавскую встречу взялся проанализировать один из могикан – С.С.Зотов, но он неожиданно уехал послом в Словакию и «руки не дошли». А жаль! Там было много поучительного.

Так, заместитель главы нашей делегации был руководитель группы консультантов КГБ генерал-лейтенант С.А.Кондрашев – одаренный человек, всегда готовый давать интервью на английском, французском и немецком языках. Естественно, со своих позиций, расхоронившихся с нашими.

Вообще делегация состояла из людей с разными взглядами. Нам с Всево-

лодом пришлось резко полемизировать с ним по вопросу – включать ли в рекомендации полное исключение из уголовного кодекса смертной казни, которая была в нем прописана в качестве временной меры. Всеволод высказал блестящую формулу: нет ничего более постоянного, чем временные меры.

Насколько остро стоял вопрос, можно судить по словам С.А.Кондрашева, что ему следовало бы по своему каналу обратиться к председателю КГБ, но связан просьбой академика Арбатова всячески мне помогать. Мой друг со школьных лет Г.А.Арбатов обратился к нему с этой просьбой, не сказав мне ни слова.

У Всеволода в МИД не было такого прикрытия.

Но мне пришлось в Оттаве не только заниматься политической полемикой, но и выступить в новой для себя роли: парикмахера. Видимо, престиж превыше всего и одновременно с делегацией в Канаде появился лимузин для С.А.Кондрашева вместе со старшим лейтенантом – водителем.

Совкомандированные всегда стремились сэкономить на всем, а Кондрашев приобрел машинку для стрижки любимого барбоса и все захотели опробовать ее на себе. Когда все уже благоухали, мне стало досадно, что старлей один оставался заросшим и усадил его в кресло. Боже! Как это оказалось трудно.

Сначала получилось ниже с одной стороны, потом с другой. Я долго поправлял, но в конце концов постриг наголо. Вот уж истинно, не в свои сани не садись...

Всеволод один не поддался соблазну. Он знал себе цену. Тем более, что ему случалось побывать даже в сказке. Будучи послом в Новой Зеландии, он по совместительству был и нашим представителем в Западном Самоа и в Королевстве Тонга.

У нас всегда были откровенные отношения. Мне не нравилось, когда он с пафосом нараспев и, подняв палец, повествовал о посольской пенсии за «особые заслуги». Когда однажды он меня «достал», я не выдержал: «В чем особые? Из Новой Зеландии попросили, из Бурунди Москва сама отозвала, когда крокодил утащил жену повара».

Я был неправ. Ведь суть не в этом. А в том, что он многие годы закрывал амбразуру в Страсбурге, когда это было намного труднее, чем сегодня. Сказывалось откровенное идеологическое противоборство времен «холодной войны». Вот как он сам объяснял положение дел в журнале «Живая память», издаваемом Советом ветеранов журналистики.

24 января 1979 г. был приглашен к министру иностранных дел Новой Зеландии, который вручил ему ноту. В ней говорилось, что «в связи с вовлечением советского посла в процесс финансирования промосковской новозеландской партии он объявляется персоной нон грата».

Надо быть начисто лишенным слуха, чтобы не услышать в этом скрежет колесницы холодной войны и отзвуки афганских событий.

Уникальный и незаменимый человек, Софинский В.Н. очень много сделал для нашей страны, особенно ее внешней политики и культуры. Он мог бы еще долго выполнять дипломатический и гражданский долг, если бы не случилось несчастье: поскользнулся и сломал ногу у самых дверей поликлиники, куда шел лечить зубы. Так внезапно возникла ситуация полной безнадежности и бесперспективности. Есть нечем. Нога не срывается. Жена дежурила сама, а на время отсутствия установила пост медбратьев. Но «от судеб защиты нет». Поняв это, он решительно отвернулся от жизни. Как князь Андрей.